

Игнатюк Т.Н. (Брест, Беларусь)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ В ТЕКСТАХ ПАРЕМИЙ

Прагматика, согласно устоявшимся определениям термина, «показывает язык как коллективную речевую практику, тесно связанную с законами жизни социума, психологии личности, с особенностями мировосприятия человека, его когнитивной базы, с культурными стереотипами и национальными традициями» [4, 501–502]. В прагматическом аспекте может рассматриваться как высказывание, сообщение, так и текст, выступающий реализацией этого сообщения.

Уникальными текстами для исследования прагматики языка являются паремии, поскольку прагматическое содержание – неотъемлемая и обязательная их составляющая. Тексты пословиц и поговорок выступают отражением представлений народа о мире, содержат оценку реальных явлений и отношений и формулируют общие установки поведения для носителей языка. В аспекте прагматических исследований тексты паремий показательны в первую очередь при изучении логики оценок.

Прагматика всякого текста обеспечивается на разных языковых уровнях, но важнейшую роль играют лексические единицы, поскольку отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату обычно выявляется в слове. Правда, оценка может выступать в слове с неодинаковой степенью отчетливости, может иметь как эксплицитное (явное), так и имплицитное (неявное) выражение. Дело в том, что в современной лингвистике оценка квалифицируется как составляющая часть коннотации слова, однако статус коннотации и компонентный ее состав в современной лингвистике определяется по-разному.

Собственно лингвистическая концепция коннотации строится на противопоставлении коннотации предметно-логическому аспекту слова [5, 27–35] и рассматривается в слове как совокупность оценочного, эмотивного, экспрессивного, образного и стилистически маркированного компонентов, которые (за исключением последнего) могут быть узуальными или окказиональными [2, 40]. Оценка в этом случае выступает в семантической структуре слова как компонент коннотации, выражающий положительное или отрицательное ценностное отношение носителей языка к тому, что называет номинативная единица.

Экстралингвистическая трактовка коннотации требует включения в коннотацию семантических ассоциаций, вызываемых словом. Такие ассоциации, по словам Ю.Д. Апресяна, отражают тип восприятия в данном этноязыковом коллективе названного словом объекта или лица,

национальные традиции литературной обработки слова, исторический, религиозный, политический, психологический и иные культурные контексты его существования [1, 169–173]. Они не фиксируются в словарях, но актуализируются в тексте, в том числе и в текстах паремий.

Оценка, явно или неявно присутствующая в пословицах и поговорках, зависит обычно от коллективного субъекта – народа. Однако не только оценка может рассматриваться с позиций субъекта, но и сам субъект нередко выступает в качестве объекта оценки. Этим обусловлено широкое представление в составе пословиц и поговорок прагматически значимых личных номинаций (*nomina agentis*). Прагматическая сущность паремийных текстов, с одной стороны, формируется вокруг оценочных номинаций лица, с другой – проецируется в пословице или поговорке на значение личной номинации.

Рассмотрим природу прагматики *nomina agentis* и специфику ее представления в текстах паремий. Принимая во внимание, что и система ценностных приоритетов общества, и оценочная позиция отдельного человека обусловлены канонами, сложившимися в обществе на определенном этапе его развития, в качестве материала изучения в данной статье избраны тексты, зафиксированные в «Сборнике российских пословиц и поговорок» Иакинфа Иллюстрова – издания 1904 года [3]. Они отражают, главным образом, мировоззрение и оценочные позиции крестьянина XIX века, человека из простонародья.

Оценочные номинации лица в пословицах и поговорках не закреплены за конкретной предметно-речевой сферой применения, так как в них на первом месте выражены этические воззрения народа, духовные стереотипы. В целом же тематические группы оценочных личных номинаций, представленные в сборнике Иллюстрова, могут быть связаны: 1) с социальным устройством России XVII–XVIII вв. (*батрак, бедняк, богач; начальник, нищий, старец, холоп, царь* и др.); 2) с семейной жизнью человека (*бабуся, вдова, детки, женишок, мужилка, сыночек, сынище* и мн.др.); 3) с деятельностью лица (*барышник, воевода, кутейник, нянюшка, пестуня, приказный, прислуга, прислужка, псарь, сваха, тать* и др.); 4) с временной ролью человека в обществе, связанной с определенной ситуацией: *доводчик, докащик, крючоктворец, ответчик* и нек. др.

Личные номинации, содержащиеся в паремиях, различаются прагматической сущностью и способом ее выражения. Если следовать лингвистической теории коннотации, то прагматическое содержание имеют прежде всего слова, в которых оценочные компоненты значения в слове существуют как дотекстовые, языковые. Оценочность *nomina agentis* в этом случае связана с ценностным отношением социума к самому лицу, входит в денотативное значение слова. Она может иметь как отрицательный, так и

положительный характер, но преобладают номинации отрицательного плана, так как тексты паремий обычно фиксируют разного рода отклонения от общепринятых этических, рационалистических, психологических норм жизни. Поэтому в паремиях прагматически значимы следующие группы негативнооценочных номинаций:

1) со значением социальной оценки (*бедняк, бесприданница, сирота, нищий, убогий, вдова, вдовец*), например: *Сирая вдова – круглая сирота* (160); *Нищему гордость – как корове седло* (295);

2) со значением поведенческой характеристики (*баловень, буян, лежень ‘лежебока’, насмешник, пьяница, смутьянка*), например: *Пьяница напьется, с королем дерется, а проспится – свиньи боится* (338); *Лежень лежит до вечера, и поесть ему нечего* (280);

3) со значением этической оценки (*вор, доносчик, ябедник, поноровицки, крючоктворец, обидчик*), например: *Рука руку моет, вор вора кроет* (345); *Где добрый судья, там нет ябедников* (83); *Доносчику – первый кнут* (371); *Обидчика бог судить* (340);

4) со значением эмоциональной оценки (*горемыка, лапотник, печальница*), например: *Солдат – горемыка хуже лапотного лыка* (88);

5) со значением психологической оценки (*плут, дурак, дурень, лукавый*), например: *Дураку закон не писан* (322); *С добрыми дружися, а лукавых берегися* (315).

Слова с положительной коннотацией в пословицах встречаются реже и обширных групп не образуют (*богатый, господин, знайка, красавица, праведник*): *Богатый, как хочет, а бедный, как сможет* (290); *Незнайка на печке лежит, а знайка по дорожке бежит* (373).

Во-вторых, оценка в номинациях лица может не входить в денотативное значение, но получать эксплицитное, явное выражение в структуре слова в виде суффиксов. Особенно часто так представлен оценочный компонент в кругу обозначений лиц по семейному статусу (*дитяtko, женишок, маменька, муженек, мужилка, племяtko, сыночек, сынище* и мн. др.).

Замечено, что в группе обозначений членов семьи, рода преобладают суффиксы, выражающие положительную оценку, так как семья для русских – величайшая ценность. Например: *Бабушка – щиток, кулак – молоток* (191); *Детушек воспитать – не курочек пересчитать* (175). Однако довольно часто контекст изменяет коннотацию слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом на противоположную, сравним: *Богоданны сестрицы* [золовки. – Т.И.] – *кратива жгучая* (198); *Невестушка, полно молоть, отдохни, потолки* (200). И наоборот: в некоторых случаях контексты «гасят» отрицательную оценку, вносимую суффиксом в название лица. Сравним слова с оттенком пренебрежения (*женишок, мужишко, мужилка*) в контексте: *Худ мужишко, а все притульшико: за него завалюсь, никого не боюсь* (120).

В-третьих, в значительном количестве слов со значением *nomina agentis* оценка, являясь компонентом коннотации, заполняет собой все семантическое пространство их структуры. Речь идет о метафорических обозначениях лица, которые в текстах паремий анализируемого сборника представлены довольно часто и построены с использованием разных образов. В частности, здесь можно выделить переносные обозначения лица, в основе которых лежат следующие объекты:

1) номинации других людей и человекоподобных существ (*ворог, чулинда* ‘чучело’; *выродок, урод, разбойник, чертовка*), например: *За добрым мужиком и чулинда – жена, а за дурным и поповна раба* (119);

2) названия фауны (*нёс* (муж), *собака* (зять), *курочка* (неумная), *ворона* (о женщине), напр.: *Ближняя – ворона, а дальняя – соколёна* (123);

3) названия неодушевленных предметов: *батожок* – ‘жених без достоинств’; *золото* ‘девушка’; *пенюшок* ‘старик’, *крючок* ‘чиновник’), например: *Хоть бы за пенюшка, когда нет хорошего женишка* (119).

В *nomina agentis* с узуальным оценочным значением или в метафорических номинациях оценка, как правило, осложняется другими коннотативными смыслами: эмотивностью (*сыночек, маменька, мужишко*), образностью (*ворона, курочка* – о женщине; *орёл* – казак, *нёс* – муж), экспрессивностью, то есть усиленной выразительностью (*сатана* – о недостойном человеке; *выродок* – о жестоком человеке).

При экстралингвистической трактовке коннотация рассматривается в отношении слова к носителям языка или к другим знакам в тексте и включает при этом семантические ассоциации, вызванные словом. Однако оценочные ассоциации не зафиксированы в словарях, и коннотация в этом случае обязательно нуждается в контекстной конкретизации и систематизации. Оценка здесь тоже может выступать как положительная или отрицательная. Однако и здесь оценка характеризуется нестабильностью, так как зависит от точки зрения говорящего. Она формируется контекстом, возникает в тексте – сложно построенном смысле. Иными словами, личная номинация «окрашивается» за счет слов, с которыми взаимодействует в тексте, обретает и выявляет дополнительные оценочные компоненты, «заряжаясь» общим смыслом контекста благодаря семантико-сочетаемостным связям слова.

Так, лексема *царь* отмечена позитивной оценкой, обусловленной социально-политической значимостью этого лица. Позитивная оценка фактически относится к самой реалии, к явлению внешнего мира, обозначенного словом *царь*. В текстах паремий эта оценка актуализируется: *Царь щедр – отец есть всем* (69); *Царь добр, да слуги злы* (71); поддерживается контекстным использованием тропов и фигур с соответствующей коннотацией: эпитетов (*царь безроден*, т.е. не попускает

своим ближним), сравнений (*царь как солнце, как бог*), метафор (*царь – голова народу; царь – отец всем*), параллелизмов (*без Бога свет не стоит, без царя земля не правится; при солнце тепло, при государе добро*).

Вместе с тем текст паремии может актуализировать в слове *царь* и иные прагматические компоненты, обусловленные реальной оценкой верховного правителя в социуме. Эта оценка в поговорке может не совпадать с идеальной оценкой: *Царь – не огонь, а, ходя близ него, опалишься; Близ царя – близ смерти; Царев гнев – посол смерти* (71) – о силе и жестокости власти; *До царя далеко, до Бога высоко* (71); *Бог – высоко, царь – далеко, а паны вертят как хотят* (72) – о недоступности царя для простого народа. Интересны контексты, указывающие на человеческие слабости царя: *Царь без слуг как без рук* (96).

Таким образом, прагматическое содержание личных номинаций в текстах паремий формируется за счет выступающей в них оценки. Будучи вербальным выражением мудрости народа, передаваемой из поколения в поколение, паремии во все времена представляли собой неписанный кодекс «законов» здравого смысла и закладывали нравственные и этические предпосылки для формирования социально адекватной личности. Оценка в *nomina agentis* выражается комбинированно – и дотекстовыми, собственно языковыми средствами (основой слова или суффиксами), и с помощью контекста, в котором может появляться переносное оценочное значение, а также происходить трансформация оценки и смысловое обогащение слова, отражающее изменение воззрений народа на мир и человека в нем.

Литература

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 243 с.
2. Вострякова, Н.А. Понятие коннотации в современной лингвистике / Н.А. Вострякова // Разноуровневые характеристики лексических единиц : Сб. научн. ст. по мат-лам докладов и сообщений конф. – Ч. I. Лексика и фразеология. Терминология (Смоленск, 19–20 мая 2001 г.). – Смоленск : СГПУ, 2001. – С. 35–42.
3. Иллостров, И.И. Сборник российских пословиц и поговорок / И.И. Иллостров. – Киев : Типография С.В. Кульженко, 1904. – 482 с. (По этому сборнику приводятся тексты паремий с указанием страниц в круглых скобках. Графика примеров упрощена).
4. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 840 с.
5. Черемисина, Н.В. Структура лексического значения и давление текста на слово / Н.В. Черемисина // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе / под ред. Н.А. Лукьяновой. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – С. 35–51.